

Ольга ХАРЛАМОВА родилась и живёт в Москве. Окончила Московский финансовый институт. Поэт, переводчик, публицист. Удостоена многих литературных премий и наград, лауреат поэтических конкурсов, стихи переведены на иностранные языки. Член Союза писателей Москвы, Южнорусского Союза писателей, Международной Гильдии писателей, Союза писателей-переводчиков Международного общества им. А. П. Чехова, Союза журналистов России, Международного Союза журналистов.

Почётный работник культуры города Москвы.

Автор радиосценариев, эссе, а также поэтических сборников: «Странница», «Состояние любви», «Эдельвейс», «Полька-бабочка», «Полукровка», «Перелётные письма любви», «Любовь как море», «Женский календарь», «Порт семи морей», «Благодаря», «Ежевика куст лиловый»; сборника эссе «Под музыку русского слова». (2012). Имеет ряд публикаций в периодической печати.

ИНОПЛАНЕТЯНИН

Он – парень моей подруги. Я знаю их любовь до мельчайших подробностей. Знаю, что она его ждёт. Сейчас он стоит передо мной и объясняется мне в любви. Ситуация невозможная, дикая!

Но почему я молчу? Почему не прогоняю его? Потому что мне интересно, что он скажет ещё. Потому что мне приятно то, что он говорит.

Он убежал из своего вполне благополучного дома от бабушки-прокурорши в Одессу и нанялся юнгой на какое-то судёнышко, мечтает стать капитаном дальнего плавания, но неплохо бы окончить среднюю школу и надо отслужить в армии. Такие вот маленькие неприятности. Досадно. Обидно. Можно проявить себя, что он и делает, и я это прекрасно понимаю, но продолжаю стоять, молчать и слушать.

Более того, представляю себе, как сама сбегая из дома, и уже в одесском припортовом ресторанчике, как соблазнительная «крошка Мери», работаю подавальщицей, на которую заглядываются заходящие выпить кружку рома бывалые моряки, но я вся в ожидании «моего капитана». Чушь какая!

Мне стыдно и одновременно бесстыдно, видятся такие картинки – дух захватывает, я ловлю себя на том, что отвечаю на его поцелуи. Ну, дела!

Если бы этот перелесок в парке не был так редок, если бы не белый день и не прелые листья под ногами, моя последующая жизнь, возможно, пошла бы по-другому, однако «чему быть, того не миновать» – мы расходимся, назначив встречу на завтра.

Но уже сегодня вечером я всё рассказываю подруге. Зачем это делаю – не знаю. Да нет – знаю! На поверхности – отрезать себе путь к соблазну, в глубине – желание, чтобы он при ней повторил своё объяснение. Стервочка! Он – не мой герой. И всё же мне нравится его рост невысокий, крепкое телосложение, волосы тёмные, глаза светлые, а сломанный в детстве нос, не лучшим образом выправленный врачами, как ни странно, ему к лицу. К тому же между нами идеальная, по моему разумению, разница в возрасте – два года.

На свидании я появляюсь вместе с подругой. Он – мальчик догадливый, сразу всё понимает и превращает в шутку. Просит прощения у подруги за доставленные переживания и у меня за розыгрыш с целью испытания нашей дружбы.

Все трое с ходу принимают правила игры и, как ни в чём не бывало, проводят остаток вечера на квартире одного шалопаю – сына генерала, куда набивается ещё с десятка мальчиков и девочек не очень-то обременённых желанием готовиться к завтрашним урокам. Квартира большая, несколько комнат, иногда пары уединяются, в том числе и те двое, при которых я оказалась третьей лишней. С ума сойти!

Неделя на исходе и его столичные каникулы тоже. В субботу он прогуливается возле моего дома в сопровождении подруги и своего приятеля – бывшего одноклассника, вчетвером идём в кинотеатр «Космос» на поздний сеанс целоваться-обниматься в последнем ряду, а в ночь на понедельник он должен сесть в поезд «Москва–Одесса».

Суровая бабушка, главный прокурор района, не потерявшая надежду вернуть расположение внука, устраивает проводы с шумным застольем, куда приглашены чуть ли не те друзья, с которыми он ходил в детский сад. Умора! Всем хором едут на вокзал. Все едут, кроме меня, несмотря на его отчаянные уговоры.

На следующий день подруга выглядит усталой и загадочной, нехотя отвечает на мои вопросы, после чего я перестаю к ней обращаться за чем бы то ни было.

Наша дружба дала трещину, которая день ото дня будет становиться всё шире и глубже, пока не превратится в непреодолимую пропасть. На смену девичьей привязанности приходит женское противостояние, и ничего тут не поделаешь.

Из дома я не сбежала, но из дневной школы перешла в вечернюю, а сдав выпускные экзамены, в отличие от большинства моих сверстников, не стала поступать в институт – учиться надоело, захотелось погулять и осмотреться. Работаю копировщицей в Конструкторском бюро неполный

рабочий день, всё остальное время упиваюсь свободой и несерьёзными романами, плавно перетекая из одного в другой.

Снова в моей жизни он возникает, вернувшись из армии, перед очередными ноябрьскими праздниками. Является незванным гостем с коробкой конфет к вечернему чаю, сам, как подарок: подтянутый, аккуратный, вежливый – производит на домашних благоприятное впечатление. Хотел бы видеть меня на вечеринке 7-го числа в компании его друзей на квартире одного из них.

Я удивлена, но приглашение принимаю, хотя есть и другие предложения. Всё-таки он вызывает у меня интерес. Сама себе кажусь взрослой и мудрой, поэтому ни о чём не спрашиваю, ещё будет время, записываю адрес.

Надо подумать, что бы такое надеть. Гардероб у меня небольшой, особенно выбирать не приходится, но к празднику есть обнова – блузка из гипюра телесного цвета с рукавом три четверти. Надеваю узкую чёрную юбку выше колен, ей в тон замшевые туфли на высокой шпильке, придирчиво оглядываю себя в зеркале со всех сторон и остаюсь «довольная собою». Как сказала бы моя бабушка, «и в пир, и в мир...», в данном случае её нет рядом, она гостит у родственников. Это хорошо – некому вести душеспасительные разговоры по поводу и без повода, где и с кем мне следует проводить время. Что касается мамы и отчима, то они в отношениях со мной предпочитают сохранять философское спокойствие.

Глубокая осень, по утрам случаются заморозки, но мне не холодно в лёгком осенне-весеннем клетчатом пальтишке, в капроновом платочке, накинутом на высокую причёску – модный начёс – «домиком» и повязанном двумя концами назад.

В «час назначенный» звоню в дверь квартиры на шестом этаже большого кирпичного дома в переплетениях улочек района Маломосковской. Я уверена, что встретить меня должен именно он, смело шагаю в распахнутую дверь и, когда в полутьме прихожей натываюсь на устрашающего вида детину, на миг столбенею, этого достаточно: дверь за моей спиной заперта на ключ, с плеч снято пальто, из рук взята сумка. Мне буквально дышат в затылок, подталкивая дальше, в комнату, откуда падает свет.

Его нет и там, уже и не будет. Он всё подстроил. Самое время повеселиться над тем, как я легко поймалась на его удочку. Вот только плясать под его дудочку я не стану. Надо выбираться отсюда как можно скорее, пока нет главного распорядителя, и присутствующие делают вид, что не обращают на меня внимания, зато я предельно внимательна.

В разгаре процесс оформления праздничного стола.

Две девицы, чей род занятий не вызывает сомнений, раскладывают закуску по тарелкам, ещё одна курит на балконе, четверо парней с лицами, мягко говоря, не внушающими доверия, дегустируют напиток из поллитровки с этикеткой «водка московская». Один из них – тот, что впустил меня, имеет отличие: длинный, загнутый жёлтый ноготь на мизинце левой руки.

На этого парня я положила глаз – он знает, где моё пальто и сумка, как бы невзначай, спрашиваю его, откуда можно позвонить домой и сообщить, что я благополучно доехала? Родители мои такие беспокойные, что, не дождавшись от меня звонка, могут нагряться по этому самому адресу, который пришлось им оставить на всякий случай. В квартире нет телефона, и эта моя правда, шитая белыми нитками, вызывает у него понимающую ухмылку: похоже, рыбка хочет сорваться с крючка, придётся сопроводить её до ближайшего автомата. Представляю, как бы он хохотал, зная, что мне и звонить-то некуда, разве что замужней сестре на другом конце города. Ничего, сама попалась – сама и выпутаюсь!

Мой конвоир подаёт пальто, я прошу сумочку, чтобы взять деньги, и тут обращаю внимание на его ноготь, выражаю полное восхищение, показываю ему свои маленькие тоненькие, как плёночки, ноготки, сокрушаюсь, что никак не могу отрастить себе красивые длинные ногти, – они у меня постоянно ломаются. Болтаю без умолку всякий вздор, и он вдруг решает продемонстрировать мне крепость своего ногтя: вставляет его в замочную скважину и поворачивает, как ключом.

Слышу щелчок, тут же дёргаю дверь на себя, его ноготь застревает в замке и я, не дав ему опомниться, влетаю в лифт, который, по счастью, стоит на этаже, оказываюсь на улице, бегу сломя голову из подворотни в подворотню – кратчайшим путём до Проспекта Мира. Перебегаю на другую сторону, успеваю прыгнуть в троллейбус, идущий в центр. Троллейбус свободный, но я хочу туда, где как можно больше людей, у первой станции метро выхожу, спускаюсь вниз, еду до пересадки на кольцевую линию и только там, на одной из скамеек прихожу в себя, смеюсь от нечего делать. А делать действительно нечего.

Домой однозначно не хочется. Столько имела предложений на сегодня, и вот надо же, оказалась у разбитого корыта.

Может, ещё не поздно что-то предпринять? К примеру, поехать на встречу аспирантов у памятника Маяковскому в 19.00 по московскому времени. Кстати, который час? – 18.30. Успеваю!

Два дня назад познакомилась с молодым человеком на трамвайной остановке, за время ожидания узнала, что он аспирант Физтеха, что их дружный курс собирается провести праздничный вечер где-нибудь в кафе, что им катастрофически не хватает красивых девочек и что будет просто здорово, если он приведёт меня.

Тогда я не придала значения его словам, но место встречи запомнила, в отличие от него самого, по имени, вроде бы Саша.

«А, неважно», – решила я, – «уж, он-то меня приметит», и действительно, несмотря на то, что у памятника столпотворение, словно вся Москва назначила здесь свидание, – не ошиблась. Он подошёл в окружении таких же молодых людей, нисколько не удивился моей забывчивости, улыбаясь, произнёс: «Борис!» В ответ я чуть не назвала своё настоящее имя, но вовремя

вспомнила, что представилась ему как Аэлита. Не даёт мне покоя эта инопланетная дева, полюбившая земного мужчину себе на погибель, чей голос заблудился в пространствах вселенной, повторяя: «где ты, любовь?»

– Ну, Аэлита, – говорит он, – поздравляю, мы идём в кафе с твоим именем.

Я не совсем пришла в себя после моего приключения и немного нервничаю, но рядом ребята, как мне кажется, нормальные и надёжные, и постепенно начинаю вновь взаимодействовать с окружающим миром. Хорошо пройти пешком! Я чувствую себя неотъемлемой частью города с его праздничными огнями, автомобилями, проносящимися по Садовому кольцу, народом, несколько возбуждённым в этот час: все торопятся оказаться где-нибудь за накрытым столом. Возле «Аэлиты» полно людей, мест нет, но не для нас – столики заказаны, под насмешливо-завистливые взгляды и реплики пробираемся к дверям, с трудом протискиваемся между притолокой и швейцаром. Наконец-то! Можно снять пальто и приблизиться к зеркалу.

На меня смотрит чуть раскрасневшаяся, чуть растрёпанная девчонка, безумно привлекательная. Она достаёт из своей сумки-кошелька щёточку для волос и с удовольствием расчёсывает волосы, оставляя их на свободе. Все детали туалета в порядке, даже швы на чулках, да и сами чулки не порваны, не заляпаны, несмотря на уличную слякоть, по которой пришлось пробежаться. Спокойно! Не будем об этом, пора пройти в зал.

Меня подводят к столику, за которым уже сидит пара – он и она, перед ними два недопитых бокала и наполовину пустая бутылка Абрау-Дюрсо. Борис знакомит нас, обещает присоединиться и тут же отлучается «на минуту». И сотой доли минуты мне хватает, чтобы не просто увидеть, а – как сфотографировать – лицо мужчины. Именно мужчины, хотя по возрасту он немногим старше остальных.

У него нерусское имя, его родной город – Баку, в Москве он по делам, собирается защищать докторскую, временно остановился в общежитии для аспирантов. Его визави с конским хвостом на затылке и в сидячем положении выглядит громоздко, зато личико имеет симпатичное, вещички отменные – экспорт-импорт. Аспирантка явно к нему равнодушна.

Моё обострённое, как никогда, чутьё подсказывает, что отношения между ними натянуты до предела. Тем лучше! Значит, этот вечер он будет со мной. Откуда такая уверенность? Знаю – «откуда», в новой обстановке я как рыба в воде. Даже знаю, что обо мне думает эта учёная девушка: «глупенькая маленькая сучка», «но как хороша» – мысленно продолжаю я и добавляю: «сегодня он мой! умная ты гусыня».

Черноволосый, голубоглазый бакинец танцует только со мной. Он невысок, тонок, изящен, по-особенному нежен, и, кроме него, для меня в настоящий момент никто не существует. Спасибо Борису, понимает всю безнадёжность своего положения, за соседним столиком рассказывает анекдоты. Умница! Жаль – время бежит быстро.

Мои часики показывают одиннадцатый, пока оденемся, распрощаемся,

да ещё на автобусе добираться... дома буду после двенадцати, совсем, как Золушка. Ах, как быстро летит время!

Мы выходим из дверей «Аэлиты». Мы – это я, так называемая Аэлита, Борис и мой новый знакомый. У него идея поймать такси, заехать в общежитие, послушать музыку – самые последние записи Азнавура, привезённые им из-за бугра, потанцевать, выпить хорошего вина, а потом отвезти меня домой. Видимо, я предостаточно выпила вина, воплощение этой идеи представляется мне весьма заманчивым и вполне приемлемым.

«Победа» с шашечками тут как тут, Борис предусмотрительно садится впереди, а я ныряю на заднее сиденье прямо в объятия будущего доктора наук. В темноте и тесноте машины ожидаю жарких поцелуев, но он сдержан и нежен, будто всё ещё продолжает со мной танцевать, целует мои руки, гладит рассыпанные по плечам волосы. Мне тепло, уютно рядом с ним, я чувствую себя ребёнком.

За окном мелькают огни, сначала их много, потом всё меньше и меньше, в какой-то момент они совсем пропадают, и вдруг – яркий свет. Дорога окончена, мы на месте.

Общежитие – многоэтажная новостройка белого цвета, светится большинство окон. Вхожу в вестибюль в сопровождении двух моих мужчин, останавливаюсь внизу широкой лестницы, на меня с любопытством смотрит тётенька-охранница, ей что-то суют в руку, и она отводит взгляд.

Дом живёт бурной жизнью, несмотря на полночный час. Поднимаемся на второй этаж, по коридору перемещаются люди, в основном мужчины с шампанским и фруктами, двери многих комнат открыты, заходим в одну из них: притушенный свет, мерцающие огни приёмника, две пары танцуют под «ненашу» музыку. Борис исчезает, вскоре появляется с бутылкой синего цвета. Я никогда не видела такой бутылки и не пила такого вина, мне интересно попробовать, и я делаю глоток: так себе, ничего особенного, слегка горчит. Борис опять исчезает, теперь безвозвратно.

Я остаюсь один на один с тем, кто обещал отвезти меня домой. Какое-то время мы танцуем, его глаза просвечивают меня насквозь. Неожиданно мягкие податливые руки его становятся жёсткими, мне уже не под силу разомкнуть их кольцо, по правде говоря, и не хочется.

Полумрак, тихая музыка, горящее вино, сильные мужские руки... Мой дом! Где он? Я забыла про всё на свете.

Рука об руку мы выходим в коридор, поднимаемся в лифте, идём по длинному пустому этажу мимо дверей, возле одной останавливаемся, свободной рукой он достаёт из кармана пиджака ключ.

Где-то не так давно я уже видела ключ, тогда им дверь за мной запирали, теперь открывают передо мной, а там изнутри – снова запрут?

Моё восприятие действительности замедленное, едва шевелюсь. Он пропускает меня вперёд, оставив приоткрытой дверную створку. Под потолком вполнакала горит люминесцентная лампа. В крошечной передней

успеваю заметить полки и дверцы встроенного шкафа и дверь, за которой «все удобства».

Прямо передо мной просторная комната с огромным голым окном. Слева – отстоящая от стены односпальная кровать, застеленная стёганым одеялом, с низенькой тумбочкой в изголовье. В правом углу – два кресла, журнальный столик, почти всю его столешницу занимает серый ящик магнитофона, на полу – большой толстый ковёр.

Он снимает обувь. Сама еле держусь на ногах и с радостью сбрасываю «шпильки». Приятно пройти в одних чулках по пружинистому ворсу, упасть в кресло и вытянуть ноги.

Его шаги бесшумны, движения пластичны и грациозны, ещё в «Аэлите», смеясь, рассказывал, как «на заре туманной юности» ему пришлось выбирать между занятиями танцами и научной карьерой. Он располагается в кресле напротив, разливает в местные гранёные стаканы то, что осталось в уже знакомой мне синей бутылке, которую прихватил с собой, включает магнитофон. Мы, в самом деле, слушаем Азнавура. Почти не разговариваем. Мне так спокойно и так хорошо, что не нужны никакие слова. Из книжных романов знаю – бывает такое, но со мной это случается впервые. К стакану с вином я не притрагиваюсь, свой – он допивает до дна.

Всё когда-нибудь должно кончиться: вино, музыка, ночь, которая ещё продолжается, а наша ночь и не начиналась. Я думаю об этом, и со мной происходит странное превращение: появляется видение себя со стороны.

Эта девочка хочет спать, она встаёт с кресла, выходит из комнаты, через некоторое время возвращается, раздевается прямо перед ним до нижнего белья, подходит к постели и забирается под одеяло.

Он молча наблюдает, проделывает почти то же самое, но из одежды снимает только пиджак, поворачивает ключ в замке, гасит свет и ложится рядом с ней поверх одеяла.

Я мгновенно провалилась в сон и так же мгновенно проснулась. Сразу разлепляю веки – темно, тихо – глубокая ночь, но и ночью я вижу, как днём. Кошка! Лежу на правом боку, повернувшись к нему лицом, он – на спине, подложив руки под голову, глаза у него открыты.

Что делать, притвориться спящей или заговорить? Состояние неопределённости продолжается недолго, почувствовав, что я бодрствую, он поворачивается в мою сторону, обнимает меня и впервые за время нашего знакомства целует в губы. Жду, когда начнёт раздевать, ласкать, но он медлит, не уверен, насколько я готова принять его.

Мой небогатый женский опыт, приобретённый в суете и нетерпении сверстников, вызывающих у меня разную степень интереса, – ничто! Сейчас я не справляюсь с наплывом чувств, которые испытываю, находясь в мужских руках – сильных и бережных одновременно.

Сам, оставаясь почти одетым, он осторожно, ласкающими движениями освобождает мне плечи от ненужных бретелек, нежно сжимает грудь,

умещающая всю её в своих ладонях, но как только притрагивается к трусикам, с моего языка срывается первая, пришедшая на ум фраза, наверняка, из какого-то дурацкого фильма:

– Где же ваше благородство? – Рука его замирает.

– Кто сказал, что я благородный?

От его ледяного тона и собственной глупости мне ничего не остаётся, кроме как – «провалиться на этом месте!» Проходит несколько томительных секунд, прежде чем он возобновляет свои ласки, но более не пытается продлить их ниже моей талии.

Изнеженная, заласканная, но не тронутая им, я пребываю в его объятиях, как мне кажется, нескончаемо долго, временами впадаю в забытие и всякий раз, открывая глаза, встречаю его глаза, в полутьме они светятся голубым пламенем. Нереальность происходящего делает меня заторможенной, то ли наяву, то ли во сне отвечаю на его поцелуи. Видимо, под утро мы засыпаем вместе.

Проснулась я, когда полностью рассвело. Гляжу в ничем не занавешенное окно, вижу белёсое небо, слышу шум льющейся воды, – наверное, он принимает душ. Неплохо бы и мне поплескаться – там, где живу, в наличии только умывальник на кухне. Bravo! вспомнила о доме. Вспомнила и о том, что моё пальто осталось в номере, где мы танцевали, да нет, вот оно, лежит на кресле рядом с сумочкой. Позаботился!.. Пора вставать, собираться.

Он появляется в свежей рубашке, чистый, выбритый, улыбающийся, извиняется, что не может напоить меня чаем, его кипятильник кто-то позаимствовал, а буфет по праздникам выходной, говорит, что проводит меня до ближайшей стоянки такси.

Поднимаюсь, одеваюсь, завершаю свой туалет перед маленьким зеркалом ванной. Глазки ясные, щёчки розовые, губки бантиком – можно жить дальше!

Уже стоя на пороге, обвожу комнату прощальным взглядом, задерживаю его на постели. Здесь я провела свою первую ночь с мужчиной. На этом узком ложе я поняла, что такое мужчина, чем может быть женщина для мужчины, и сама впервые почувствовала себя женщиной.

За ночь выпал снег. Всё вокруг бело: и высокое здание притихшего общепита, и безлюдная в этот нерабочий день улица, вдоль которой с одной стороны вытянулось несколько блочных пятиэтажек, с другой тянутся, пропадая вдаль, глухие асбестовые щиты забора.

Идём медленно, тонкие каблучки моих туфель то и дело проваливаются в снег. Он поддерживает меня под руку, я поддерживаю разговор ни о чём, и каждый знает, что вот-вот мы расстанемся. Навсегда.

На площадке скучает свободное такси. Сейчас он поцелует меня на прощание, и я смогу в последний раз встретиться с ним глазами, но он едва касается губами моей щеки, и взгляд его не выражает ничего, так – синеватые огни газовой горелки.